

Андрей Танцырев. Интонация скорби и пение. Первая книга лирики: 1973–1976. — Екатеринбург, Москва: Кабинетный учёный, 2015

Довольно странно писать рецензию на книгу, которая должна была осуществиться для читателя сорок лет назад. Такова реальность литературы: всё лучшее никогда не бывает с лири-

кой, она в любую пору (и истории, и человеческой жизни) кстати, у неё нет срока давности. Но каким бы чудом эта книга юного поэта явилась тогда! Первый поэтический сборник Андрея Танцырева — и первая книга, которая увидела свет на его родине (поэт живёт в Эстонии).

«Интонация скорби и пение» — заголовок, полностью отвечающий содержанию «песен» сборника. Тут действительно много звука, мелодий, интонаций. И каждый стих не хочется отпустить с языка, так он соблазнителен в своём звучании.

*Вишну верил в водах Ганга
вишню относил гейша
башня строилась веками
страшно петь комете
Веды не изучены
ведать вечность танка*

Здесь рисунок парной рифмы выстроен в начале стихов; а привычным образом рифмуются 1-й, 3-й и 6-й стихи. К тому же каждая строка имеет свой звуковой рисунок, вполне определённый, который складывается

в причудливый узор, переходя от стиха к стиху.

Стихотворение «Руки любимой рассыпают снег» создано как будто для одной только строки — последней — «Невод нивейи». Кроме обольщения звуком, поэт испытывает обольщение самим образом нежности и женственности (не в последнюю очередь звуком заданным), как подчёркнуто в примечании: «это женственность, выраженная запахом крема для лица, это женское имя, похожее на Лигейю [имя героини рассказа Эдгара По]».

А в начале сборника прочтём стихотворение с блоковскими мотивами и интонациями, но с едва ли не северяниновской тягой к звуковому строю, особенно в первой строфе:

*Длинные пальцы улиц
Богемно безвольны
Довольны пьяными бары
И проститутки довольны*

В «Утренней открытке» совсем другое: кроме звука (рифмометрическая композиция уступает место верлибру, но звук не теряет значения) — достоверная чувственная картина, вызывающая в памяти полотна импрессионистов (того же Ренуара, где героини словно бы существуют отдельно от пейзажа/интерьера, находясь в нём, и на женских лицах, фигурах, даже фактуре их кожи или платья сосредоточено наше внимание, а не на пейзаже, не на обста-

новке; однако в центре внимания поэта — по крайней мере, в «Интонации...» — другие художники).

*Пахнет кофе
И воздух нарезан
прозрачными гудками
из порта
Можжевельная плитка
под фарфоровым
чайником с заваркой
источает терпкий
приятно-лесной запах
Конечно это аромат твоих
пальцев платья волос
Я посторонен тебе как утро*

Конечно, трудно представить, чтобы такие стихи были напечатаны в 1970-е годы. Дело не только в непривычном для советской литературы подходе к стихосложению — во многом экспериментальном, но и в отсутствии хоть сколько-то узнаваемых «общих мест». Эта поэзия не имеет ясной географии и «человеческой» биографии. Обживание поэтического и культурного пространства происходит самозабвенно, взхлёб. Вместе с тем всё-таки мы находим приметы земного бытия: воспоминания о детстве, любовное чувство в малейших его оттенках, ну и, конечно, всё прочитанное, увиденное, пойманное зрением и слухом. Литература (и культура в целом) облакает героя — она его кожа, его защитный покров.

Не буду притворяться, будто бы мне понятно каждое стихотворение в сборнике — это не так. Я, увы, не являюсь знатоком за-

падноевропейской поэзии, которая оказала на Андрея Танцырева большое влияние (Виктор Смирнов в комментариях указывает французских поэтов Аполлинера, Элюара, Превера, из англичан — Элиота). Да и поэзия Витезслава Незвала не входит в регулярное моё чтение, а он, по замечанию Виктора Смирнова, пробудил интонацию (и «Интонацию...») Танцырева. Так, комментарий к стихотворению «Утренняя открытка» содержит цитату Незвала: «стихи на открытках... означают магги-кубики фантазии, в которых я содержусь, как бык в супе шестикратной концентрации, ибо так я представляю себе реализм». Конечно, здесь сразу возникает тема поэтического реализма, который для каждого поэта свой — и в каждом случае не подлжит сомнению. Иначе говоря, в поэзии — всё реализм; и реализм более очевидный, нежели тот, который мыслится нами как категория общности.

В «Интонации...» мы найдём множество подсказок о том, что так или иначе влияло на стихи А. Танцырева — не только интонационно, но и образно, и идейно: Брейгель и Ипсиланти, за которых пьют опоссумы за ячью травку («Опоссумы»), «несчастный Эдгар По»

(«Рядом с Мэри») и тот же По через аллюзию и прямое название в «Акварелиях Плэйбоя и По», Блок и Гоголь («К зимней сессии»), Хемингуэй в «Карло путался в терминах» — через «вермут у Липпа», «подобно Аполлинеру ввожу некий приём в письмо» («Акварель для Галереи Тэйт»), стихотворение «О, Босх!», где размышления о болезни и образах, которые она рождает, отталкиваются от фантазмагорического творчества художника, но отходят, в общем-то, от его образности, развивая свою, стихотворение-аллюзия «Варианты мяуканья («Кошки» Шарля Бодлера)» и т.д. и т.п.

Нельзя пропустить ещё один важный момент. Виктор Смирнов (автор «Собрания стихотворений», куда вошли стихи 1977–2001 годов,шедший издателя только в 2014 году) — близкий друг Андрея Танцырева со студенческих времён. И эта дружба, скрепленная совместным чтением, поэтическими переживаниями, не могла не отразиться на стихах. Так, многие стихотворения Виктора Смирнова посвящены Андрею Танцыреву, а эпиграф «Интонации...» предпосылает сборник Виктору Смирнову. Формально общего тут немного, разве только культурный простор, где оба поэта — у себя дома.

У каждого свой индивидуальный почерк, своя стиховая поступь. Но то, что каждый для другого был первым благодарным читателем, задаёт определённую планку (и степень доверия) для читателя постороннего. И тот и другой поэт ориентируются в первую очередь на предшественников и самих себя: они должны быть достойны разговора, на который отваживаются. Вот отчего возникают многочисленные авторские примечания в «Собрании стихотворений» Виктора Смирнова, и вот отчего «Интонация скорби и пение» нуждается в комментариях, которые со всей внимательностью к «веществу» (тому, что идёт на растопку стиха) поэта-друга даёт Виктор Смирнов.

Таким образом, оценку нужно давать не сборнику «Интонация скорби и пение», а факту его появления на свет спустя 40 лет после того, как стихи были написаны и сложились в книгу. Спасибо «Кабинетному учёному» и Евгению Касимову, который подал идею издания сборника. Но в поэзию нужно вслушиваться, чтобы она осуществилась в полной мере. И я надеюсь, «Интонация» найдёт каждого, кому она если не прямо, то косвенно предназначена.

Мария Самборская

¹ Название этой рецензии — последняя строка из стихотворения Андрея Танцырева «Невнятная элегия».

Сколь бы ни был велик соблазн вычитывать и толковать символы (в том числе аллюзии и перепевы) «Интонация скорби и пения», мы не можем отбросить главного — собственного слова поэта, выбранного или даже сконструированного из множества других слов.